

- ⁸⁴ *Motolinía T.* Op. cit. P. 85; *Chapman A. M.* Op. cit. P. 127.
⁸⁵ *Motolinía T.* Op. cit. P. 176; *Torquemada J.* Op. cit. V. 4. P. 352.
⁸⁶ *Anavall P.* Op. cit. P. 39.
⁸⁷ *Garibay A. M. C.* Vida economica de Tenochtitlan. Mexico, 1961. P. 176, 178. Известны по меньшей мере три названия накидок: *suachtli*, *tecuachtli*, *patolcuachtli*. Видимо, *suachtli* было общим их обозначением; *tecuachtli*, очевидно уступали в размерах *patolcuachtli*, поскольку первое переводится как «салфетка для губ» (т. е. небольших размеров); *patolcuachtli* входили в список дани, выплачиваемой г. Мехико-Теночтитлану (*ibidem*).
⁸⁸ *Garibay A. M. K.* Op. cit. P. 175—176; *Durand-Forest J.* El cacao entre aztecas P. 178; *idem.* Cambios economicos... P. 107, 116; *Calnek E. E.* Op. cit. 1978. P. 110—111; *Long-Solis J.* Op. cit. P. 704.
⁸⁹ *Егоров Л.* Указ. раб. Т. 1. С. 148; *Clavijero F. J.* Op. cit. P. 236; *Chapman A. M.* Op. cit. P. 127; *Bardan F. F.* Op. cit. P. 85.
⁹⁰ *Motolinía T.* Op. cit. P. 176.
⁹¹ *Durand-Forest J.* El cacao entre los aztecas. P. 179.
⁹² *Clavijero F. J.* Op. cit. P. 236; *Chapman A. M.* Op. cit. P. 127; *Sachse U.* Op. cit. S. 163.
⁹³ *Katz F.* Op. cit. P. 59.
⁹⁴ *Motolinía T.* Op. cit. P. 176; *Torquemada J.* Op. cit. P. 352.
⁹⁵ *Durand-Forest J.* El cacao entre los aztecas. P. 179.
⁹⁶ *Sachse U.* Op. cit. P. 163.
⁹⁷ *Chapman A. M.* Op. cit. P. 127.
⁹⁸ *Katz F.* Op. cit. P. 62; *Carrasco P.* Op. cit. P. 55.
⁹⁹ *Cortés H.* Op. cit. P. 76.
¹⁰⁰ *Durán D.* Op. cit. 1967. 2. Cap. 20. P. 180.
¹⁰¹ *Torquemada J.* Op. cit. V. 4. P. 352; *Herrera A.* Op. cit. V. 3. P. 232.
¹⁰² *Cortés H.* Op. cit. P. 76. Это мнение разделяют и некоторые исследователи (*Clavijero F. J.* Op. cit. P. 237; *Long-Solis J.* Op. cit. P. 704—705).
¹⁰³ *Carrasco P.* Le economia del Mexico. P. 55.
¹⁰⁴ *Hodge M. G.* Aztec City-States. Ann Arbor (Mich.). 1984. P. 104.
¹⁰⁵ *Garibay A. M. K.* Op. cit. P. 177—178; *Calnek E. E.* Op. cit. P. 110.
¹⁰⁶ *Durand-Forest J.* El cacao entre los aztecas. P. 116; *Chapman A. M.* Op. cit. P. 127. Пресная вода поступала в г. Мехико-Теночтитлан по акведуку и отпускалась у специальных распределителей.
¹⁰⁷ *Durand-Forest J.* El cacao entre los aztecas. P. 179; *Cambios economicos...* P. 116—117.
¹⁰⁸ List of Market Prices Established by Judge. Tlaxeala, 1545 // *Anderson A., Berdan F., Lockhart J.* Beyond of Codices. The Nahuatl View of Colonial Mexico. Berkeley, 1976. P. 211.
¹⁰⁹ *Motolinía T.* Op. cit. P. 85.
¹¹⁰ *Sahagún B.* Op. cit. V. 3; Libro 9. Cap. 10. P. 43—44; *Motolinía T.* Op. cit. P. 171.
¹¹¹ *Calnek E. E.* Op. cit. P. 110.
¹¹² *Sahagún B.* Op. cit. V. 1. Libro 10. Cap. 16. P. 134.
¹¹³ *Sahagún B.* Op. cit. V. 1. Libro 4. Cap. 6. P. 326.
¹¹⁴ Об этой практике упоминают Б. Саагун, Л. Лас Касас, А. Сорита (*Calnek E. E.* Op. cit. 1970. P. III).
¹¹⁵ *Katz F.* Op. cit. P. 85; *Calnek E. E.* Op. cit. P. 111.
¹¹⁶ *Durán D.* Op. cit. V. 2. Cap. 20. P. 183.

© 1991 г.

Н. Н. Кулакова, Н. Рис

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ
 ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
 «МИР И МИРОЛЮБИЕ, ВОЙНА И НАСИЛИЕ
 В КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ
 СОЗНАНИИ ГРАЖДАН СССР И США»

Такое явление в жизни человеческого общества, как война, углубленно исследуется многими научными дисциплинами (историей, политологией, экономикой и пр.), каждая из которых по-своему раскрывает причины войн, их характер и последствия для человечества. Но поскольку война может рассматриваться и как феномен, в котором отражаются и проявляются определенные

закономерности культур тех обществ, где война практикуется, то свое место в ряду изучающих ее дисциплин находит и этнография (антропология). Именно антропология стремится выявить специфический культурный смысл, которым насыщены все виды человеческой активности — от простейших жизнеобеспечивающих действий до таких сложных событий мировой истории, как война.

В последние десятилетия тема войны и мира в современном обществе, анализ «культурной составляющей» в комплексе причин сохраняющейся милитаризации заняли большое место в работе этнографов разных стран. Применяя свой понятийный аппарат и методiku, они стараются охватить широкий круг возможных подходов: от граничащего с политологией и социологией изучения структуры власти в различных обществах до близкого к психологии исследования механизма действия созданных людьми в ходе истории символов, мифов, идеологий. Существующая уже немалая литература, о которой здесь можно сказать лишь очень кратко, показывает широкий спектр проблем и тем, разрабатываемых этнографами: война как институционализированный и идеологически оправдываемый культурный феномен; власть и авторитет как инструменты войны и мира; современное национальное (многонациональное) государство и международные (межэтнические) конфликты; война и человеческие эмоции; религия и войны; языковые аспекты милитаризма, конфликты и способы их разрешения; национализм и патриотизм. Эти и многие другие темы требуют сравнительного, кросс-культурного исследования, каковое и является вкладом антропологии в понимание войн, а значит и в уничтожение их человеческого.

Попыткой именно так подойти к исследованию милитаризма в СССР и США и является осуществляемая в настоящее время совместная работа американского и советского антропологов, получившая название «Мир и миролюбие, война и насилие в культуре и общественном сознании граждан СССР и США». Ввиду значительных расхождений между СССР и США в основных ценностных ориентациях и психологических установках, обусловленных социальными и политическими условиями, экономической структурой, историей обеих стран, этнографическое, культурологическое изучение вопросов войны и мира, которое покажет и различия, и аналогии в этой области, представляется весьма актуальным.

Идея такого исследования была предложена Комиссией по проблемам мира и войны при Международном союзе антропологических и этнографических наук (МСАЭН). В 1987—1988 гг. научными руководителями проекта профессором Калифорнийского университета в Беркли Мэри Фостер и советским сопредседателем Комиссии директором Института этнологии и антропологии АН СССР В. А. Тишковым, а также участниками работы Нэнси Рис (Корнельский университет) и Н. Н. Кулаковой (Институт этнологии и антропологии АН СССР) была в общих чертах подготовлена программа исследования, послужившая основой при выборе объекта изучения, методологии и методики работы.

Главный вопрос исследования можно сформулировать так: какие особенности культуры проявляются в милитаризме, характеризующем сегодня каждое из изучаемых обществ? Думается, что хотя бы частично ответ на этот вопрос позволит пойти дальше и выяснить, способствует ли что-либо в культуре, а не только в политике и экономике, «консервации» и воспроизведению милитаризма. Почему он не исчезает, несмотря на порождаемую им смертельную опасность для всего человечества?

Как нам представляется, ответ на этот вопрос следует искать путем выяснения конкретного для каждого общества содержания открытых антропологами культурных универсалий, таких как холизм культуры, т. е. целостность и устойчивость институционно-ритуальных систем, бинарное структурирование человеческого опыта, взаимосвязь и взаимообратимость сакрального и профанного и др. Так, обратившись к простому примеру всечеловеческой оппозиции «добро/зло», мы увидим, что содержание этих понятий различно в разных

обществах: что одобряется в одном, может порицаться в другом, а это уже чревато конфликтами. Спровоцировать конфликт и насилие может и угроза разрушения или осквернения святынь данного общества.

Конкретными темами, в которые мы хотели бы углубиться и в их пределах рассматривать ценности и специфические для каждой культуры оппозиции, чтобы найти их связи с милитаризмом, являются представления людей о своем народе, отношение к власти и авторитету, понимание порядка и справедливости в обществе, восприятие ролевых различий между полами и некоторые другие.

Так как советское и американское общества в равной степени являются сложными культурными образованиями, включающими в себя множество субкультур с их собственными ценностями и опытом в отношении войны и мира, было решено сосредоточить внимание на одном слое культуры в каждой стране. В СССР в качестве предмета исследования была избрана русская городская культура, а местом полевой работы — Москва. Американской стороной для параллельного исследования был предложен г. Манси (Muncie) в штате Индиана — типичный небольшой университетский город с преобладающим англо-саксонским населением. Несопоставимость этих городов по многим параметрам не мешает анализу интересующих нас проблем, поскольку сопоставима степень культурной специфики проживающих в них представителей соответствующих этносов. Предоставленная Фондом Плаушэрс (Plowshares) финансовая помощь позволила американскому этнографу пробыть в СССР 9 мес., а советскому — совершить месячную поездку в США для изучения г. Манси, где в дальнейшем планируется полевая работа.

Помимо анализа относящихся к теме печатных источников в своей работе мы пользуемся включенным наблюдением — традиционным методом полевого исследования, позволяющим этнографу видеть непосредственную жизнь изучаемой общины, в том числе и то, о чем он не может прочесть в научной литературе или прессе, поскольку в данной среде это либо считается естественным и не заслуживающим специального описания, либо не упоминается по другим причинам — идеологическим, моральным и т. д.

Неоценимы как метод полевой работы и этнографические интервью, или беседы, позволяющие целенаправленно выяснить какие-то вопросы и в то же время содержащие немало неожиданной информации. Следует отметить, что и рассказы людей о своем прошлом, например об участии в Великой Отечественной войне или в войне американцев во Вьетнаме, рассматриваются нами в синхронном плане, т. е. с точки зрения того, как они передают субъективные особенности нынешних взглядов и оценок прошлого, которые демонстрируют характерное для данной культуры отражение действительности.

Одним из вопросов, тесно связанных с антропологическим изучением темы войны и мира, является вопрос о биологических и культурных различиях между мужчинами и женщинами и соответствующего распределения социальных ролей. В европейско-азиатских культурах, в отличие от некоторых других, естественными, природными качествами женщин считаются слабость, душевная мягкость и эмоциональность, а мужчин — физическая сила, твердость характера и энергия. «Прирожденные» качества последних, согласно распространенным представлениям, создают высшие социальные ценности и свое полное и необходимое выражение находят в войне, которой также приписываются благородные цели. Можно предположить, что такое восприятие половых различий, сформированное, разумеется, столетиями истории, само способствует или по крайней мере не препятствует «выталкиванию» мужчин в сферу войн, где только и могут в полной мере проявиться и действительно проявляются их качества, считающиеся противоположными женским. В наших культурных системах существует корреляция между склонностью к чисто психологическому или физиологическому истолкованию половых различий и оправданием и обоснованием необходимых военных институтов.

В США благодаря многолетней борьбе женщин и их сторонников мужчин

с мужским шовинизмом в культуре существенно поколеблены многие традиционные оппозиции в сфере мужского — женского, а также поднят престиж того, что всегда считалось исключительно женским и потому второстепенным. Сторонниками истинного равенства между мужчинами и женщинами предъявляются вполне определенные требования даже к употреблению обществом самого инструмента мышления и общения — языка. В самом деле, почему женские имена часто представляют собой феминизацию мужских: Роберта, Шарлотта, Генриетта? Почему автомобили и пушки (согласно стереотипам, традиционно мужская собственность) — это Бетти, Берта, Бетси, а не Губерт, Джон или Дуглас? Почему замужнюю женщину могут назвать миссис Джон Джонс, а не миссис Энн Джонс? Женщине, с детства слышащей «postman», «policeman», возможно, никогда не придет в голову выбрать профессию или работу, связанную с данными видами деятельности. Эти и другие привычные дискриминационные особенности речи отметила в своей лекции университетский профессор Марджори Смелстор, призвав аудиторию избавляться от «сексизма» в языке, для чего, например, заменять «man» в составных словах на нейтральные компоненты («clerk» и т. п.), избегать местоимения «he» в обобщающем значении «человек», а в случае затруднений обращаться к изданному в США «Словарю полонейтрального словоупотребления» («The Non-Sexist Word-Finder; A Dictionary of Gender-Free Usage»).

Эти попытки отнять у вековой традиции, в социальном плане ставящей женщину после мужчины, одно из ее мощнейших средств самовоспроизведения могут иметь далеко идущие последствия и для дела мира. Сознательная «десекуистская» трансформация речи, когда она произойдет, будет означать установление равноправия в восприятии полов как мужчинами, так и женщинами. Это уже не позволит игнорировать мнение женщин о войне ни на индивидуальном, ни на коллективном уровнях.

Однако нередко самим женщинам мешают протестовать против вооружения и войн глубоко укоренившиеся в обществе представления о воинской доблести. Патриотизм, например, как правило, окрашен национальной гордостью, немыслимой пока без ассоциаций с победами страны в войнах или хотя бы в отдельных сражениях. Возможно, с этим связана реакция некоторых американских женщин на недавнее (декабрь 1989 г.) вооруженное вторжение США в Панаму, выраженная одной американкой в телевизионном интервью, взятом у нее в госпитале, где находился ее раненый сын: «Я горда тем, что мой сын участвовал в сражении, я бы гордилась этим, даже если бы потеряла его, потому что его послал на бой наш Президент, который сделал это на благо Соединенных Штатов и во имя демократии» (Эти слова содержат указание и на еще одну ключевую проблему в европейско-азиатской культурной традиции — проблему авторитета в обществе.) Другая мать раненого солдата сказала: «Я всегда хотела, чтобы моему сыну довелось участвовать в каких-нибудь военных действиях — это очень сильные ощущения, ценный опыт». Обе женщины, по-видимому, разделяют представление многих американцев о войне как возможности проявить энергию, мужество, ум и смекалку и, самое главное, приверженность идеалам свободы и демократии. Во время войны и подготовки к ней эти черты, характеризующие представление американцев о самих себе, преувеличиваются до крайности и мифологизируются. Образуется своего рода волшебное зеркало, в котором отражаются и освящаются американские социальные ценности.

Возникает вопрос, возможно ли перенести эти глубоко укоренившиеся в культуре идеалы в другие сферы? В известной мере это уже происходит, в чем можно убедиться, наблюдая за деятельностью таких организаций, как Гринпис, где по сути проявляются те же ценности — мужество, служение благородному делу — и также требуются необычайные усилия, как физические, так и интеллектуальные. Возникает необходимость даже в особых тактических средствах для борьбы с главным врагом — загрязнителями окружающей среды. Акти-

висты, участвующие в движении за мир, ведут, как это ни парадоксально, священную войну против милитаризма и руководствуются в сущности теми же ценностями, теми же представлениями о самих себе, используют схожие мыслительные приемы, что и те, кого они считают своими противниками.

В заключение укажем, что интерпретация современных обществ и протекающих ныне социальных процессов — задача чрезвычайно сложная. Этнографическое изучение проблем мира и войны применительно к развитым обществам началось не так давно и не имеет еще прочной традиции, особенно в СССР. Мы надеемся, что наша работа, которая потребует еще много времени для своего завершения, будет способствовать углублению знания друг друга народами СССР и США.